

ИЗВЕСТИЯ
г. Москва

А БЫЛА ЛИ БОМБА-ТО?

Михаил СИНЕЛЬНИКОВ

Не стал бы откликаться на выступление Константина Кедрова в «Известиях» (№ 306, 1991 г.) только лишь для того, чтобы опровергнуть высказанное им остро негативное отношение к герою книги Н. Островского «Как закалялась сталь». К. Кедров — литератор, имеющий свою достаточно выношенную систему взглядов, и раз уж для него на равных существуют Павел Корчагин с его революционными устремлениями и Раскольников, который «тоже воодушевлен идеей зарубить старушку», то спорить тут в общем-то бесполезно. Хочу обратить внимание на другое. Выступление К. Кедрова представляет собой полемический отклик на статью Льва Аннинского (в журнале «Столица») о романе «Как закалялась сталь». Так вот, статья эта весьма неприятно удивила К. Кедрова, она охарактеризована им как «разорвавшаяся вакуумная бомба», не более и не менее. Почему? Да потому, можно понять, что Л. Аннинский, критик, известный своей прочной привязанностью к либеральным идеям, тем не менее со светлым чувством о Павле Корчагине

зились...
щения общественна...
И еще, выходит, в самой действительности, в человеческом бытии, интересовавшем и А. Платонова, и Н. Островского, содержалось все-таки куда больше многомерности, больше красок, чем это можно представить по новейшим самоуверенным трактовкам.

Взгляд К. Кедрова идет как бы поверх конкретных обстоятельств отечественной послереволюционной истории: они для него — суета сует, истина лишь в том, что «нагим и беспомощным приходит человек в этот мир и таким же его покидает», что говорить следует «от лица людей, а не всяких там народов, классов и государств». Все это весьма красиво звучит, однако же ведь не из кого-нибудь — из людей состоят «всекие там» исторические формы общежития. Испокон веков человек стремился изменять, перестраивать их. И если выявилось, что современная реализация такого стремления оказалась во многом неплодотворной, даже ошибочной, то справедливо и полезно ли при этом с порога отбрасывать драматический народный опыт, уничтожать его, предавать анафеме?

Привлекательность работ Льва Аннинского, посвященных роману о Корчагине, с тем во многом и связана, что критик вполне учитывает в своих размышлениях исполненную особой сложности и противоречивости жизненную реальность. За это, получается, он теперь и удостоился выволочки — и от Константина Кедрова, и до него (в «Столице»), от Феликса Светова. Причем последний, надо заметить, вообще сбивается на недопустимый в интеллектуальной полемике тон, произносит по адресу Аннинского злые, грубые слова — и можно лишь сожалеть, что именно их автор выступления в «Известиях» удвоительно цитирует.

И К. Кедров и Ф. Светов — литераторы, приверженные религиозному мирозерцанию. Так хорошо ли им отдавать дань нетерпимости — и в самом предмете спора, и уж тем более по отношению к оппоненту?

ством пише...

не, уважительно размышляя о драме его жизни и веры. И потому еще, конечно, что пишет так именно сегодня.

Вот это-то искреннее удивление К. Кедрова более всего меня и удивило. Кажется, единственное, чего у нас действительно сумели достичь в драматических борениях последних лет,— это право на разномыслие, на возможность каждому быть самим собой. Интерес Л. Аннинского к Николаю Островскому возник давно. Его выдержавшая три издания книга об этом писателе отличается нетривиальностью взгляда, она недаром вызывала не только одобрение, но и полемику. Сегодня, в журнальной публикации, Л. Аннинский говорит о Павке Корчагине так, как то и подобает человеку, имеющему на сей счет свои убеждения и проецирующему их на современную ситуацию. Все это абсолютно естественно — и о какой же, простите, «бомбе» можно тут вести речь?

К. Кедров, надо отдать ему должное, не стремится, как это легко делают нынче многие и многие пишущие, обвинить в братоубийстве гражданской войны одних лишь революционеров, одинаково осуждает «белый и красный террор». Но все равно, вера Корчагина и Островского видится ему предметом особой неприязни, мрачным бесовством. «Героев, подобных Корчагину,— отмечает он,— пруд пруди в романах Платонова; но там они занимают подобающее им место среди кровавых простачков и честных безумцев».

Лихо сказано. Но ведь безосновательно! Как быть с тем, например, что Платонову принадлежит (знает ли об этом Кедров?) проникновеннейшая статья «Павел Корчагин», где говорится о «нравственном могуществе» этого героя, созданного «столь благородным писателем, как Н. А. Островский»? В двоедушии Андрея Платонова, надеюсь, никто не обвинит. Так что, выходит, никак не мог бы он отождествлять героя «Как закалялась сталь» с теми персонажами собственного романного творчества, в которых отражены те же процессы извращения идеалов.